

**Алла
ПЛОТНИКОВА**
пгт Песковка
Кировской области

СССР

КИМ ЛОНН.
Судьба страны – судьба человека

Предисловие

Два населённых пункта – Петрозаводск – столица Карелии и Песковка Кировской области – как они связаны? Я учитель-краевед из Песковки, а Ким Лонн (герой этого повествования) – уроженец Петрозаводска. В детские годы он оказался с родителями в Песковке. Это были военные и послевоенные годы...

Мы познакомились уже в наше время. Было так. Над просьбой посетить в качестве приглашённого автора 22-ю международную московскую книжную выставку я думала не меньше недели. Всё это время, уговаривая себя, хотела ответить отказом. Нет, мне, безусловно, до мурашек хотелось побывать на литературном слёте. Оказаться хоть и с привкусом коммерции, но всё же в писательско-читательской тусовке. Где все разговоры только и будут на книжные темы. Да и увидеть свою повесть на выставочных стеллажах в окружении других, возможно тоже интересных работ, хотелось.

Издательством был выделен специальный человек, обязанный встретить меня, сопроводить, чтобы не потерялась, а потом отправить обратно в Песковку. Для меня уже приготовили бейджик, позволяющий свободно разгуливать по выставочному городку. Но страх неизвестности так и не позволял откликнуться на приглашение. Он,

умело маскируясь под бытовые тревоги, говорил: «Ну вот куда ты собралась, Алла?»

Но каждое моё утро начиналось с нового письма с практически неизменным содержанием: «Доброго времени суток, Алла. Вы решили? Вас ожидать?» Отвечать в очередной раз «подумаю» было неудобно.

Отвечая согласием, я, конечно, не подозревала, что поездка на книжную выставку подарит не только много положительных эмоций, впечатлений, но и материал для очередной повести об истории родного края и не только.

Петрозаводск и Песковка – как они связаны?

Ниточкой, связывающей воедино годы, города и даже страны, является Ким Лонн (герой этого повествования) – уроженец Петрозаводска, в детские и юношеские годы оказавшийся в Песковке.

Нашему знакомству помог земляк-песковчанин Костылев Анатолий Павлович, он-то у стеллажа Е-20 московской выставки и отыскал меня, учителя-краеведа из Песковки.

А дальше интернет, телефонные разговоры и восемь месяцев кропотливой работы.

Ким Лонн делился со мной воспоминаниями, я с ним какими-то тревогами.

Всё это, переплетаясь в едином узоре, вылилось в статью о переломных моментах, происходящих в нашей (и не только) стране в тридцатые–пятидесятые годы двадцатого века.

* * *

Десятого июня 1938 года я появился на свет в 4 часа утра. На радостях отец с другом и маминной подругой отправились отмечать мой день рождения на яхте в Онежском озере. У них с собой был патефон, и они слушали музыку, качаясь на волнах. Неожиданно сильный порыв ветра опрокинул яхту. Отец нырнул и спас патефон, но их одежда уплыла. С берега заметили катастрофу, и на спасение приплыли два катера. Яхту отбуксировали к берегу, но пришлось ждать вечера, чтобы добраться в купальниках домой. Вот такое приключение, связанное с празднованием дня рождения ребёнка-первенца, запомнилось моему отцу.

Итак, я, Ким Альбертович Лонн, родился в Петрозаводске Карело-Финской союзной республики. Что привело туда моих родителей, Альберта Матвеевича и Дору Августовну Лоннов? Начну, пожалуй, своё повествование с деда и бабушки по отцовской линии.

В 1880 году где-то на севере Финляндии родился Матвей Лонн. Лет через двадцать он вместе с тысячами других финнов отправится в США в поисках работы.

В 1885 году в округе Оулу в бедной многодетной семье родилась Хенна Луома. После трех лет обучения в церковно-приходской школе она была отдана в богатую семью, где проработала семь лет. Наступил 1902 год. Два её старших брата, уже несколько лет работающих на руднике в Америке, пригласили сестру к себе. Хозяйка, уже полюбившая работящую Хенну, оплатила её поездку. Братья встретили сестру в Нью-Йоркском порту и привезли в поселок Хана штата Вайоминг. Там она работала сначала уборщицей и посудомойкой в столовой шахтёров. Через год её, трудолюбивую и усидчивую, назначили буфетчицей.

Решительный характер Хенны проявился, когда её младший брат, увлечённый карточной игрой, проиграл всю зарплату. Узнав адрес картёжников, угрожая полицией, она получила деньги обратно...

Вскоре Хенна вышла замуж за плотника-крепёжника шахты Матвея Лонна. В 1909 году родила сына, которого назвали Арвидом. Через два года родится второй – Альберт Лонн, он же Red (Рыжий). Когда Арvidу исполнился год, Хенна с ним отправилась в Финляндию, где показала сына родителям и вернула своей благодетельнице долг.

В Детройт семья переехала, когда Альберт окончил два класса. Отец семейства устроился на завод Форда, а Хенна занималась уборкой по заказу в богатых домах. Несмотря на увиденную роскошь, присутствующую в домах работодателей, она тем не менее заинтересовалась политикой, стала посещать собрания, сначала социал-демократов, а потом и коммунистов.

Ребята подрастали и активно занимались спортом. Арвид хорошо боксировал и стал умелым спарринг-партнёром для младшего брата. В Америке в школах с первого класса на уроках физкультуры учат плавать и играть в софт или мягкий бейсбол.

Альберт подружился с сыном бейсбольной знаменитости и стал участвовать в тренировках взрослых игроков. В школе он сидел за партой с будущим чемпионом мира по бегу на сто метров негром Томпсоном, который постоянно списывал у него решения задач по математике. Уже учась в старших классах, Альберт на каникулах стал разъезжать автостопом по Америке, подрабатывая на стройках.

После окончания школы Альберт поступил на вечерний факультет электротехнического колледжа. Совсем рядом оказался стадион, где он после учёбы стал подрабатывать. Там он подключился к тренировкам и познакомился с одним из лучших бейсболистов того времени по имени Vady Ruth и его сыном. Одновременно с бейсболом Альберт выступал в соревнованиях по плаванию стилем брасс, в лёгкой атлетике метал копье, тренировал женскую баскетбольную команду, в которой нашёл себе жену, тоже хорошую пловчиху.

Мать к тому времени стала активным парработником, выступала на собраниях и расклеивала листовки. Она также познакомила сына с секретарём компартии седьмого округа Рудольфом Бескером. Позднее Альберт стал его шофёром и личным охранником. Так как компартия была вне закона, партийные собрания проводились в разных местах и нужно было секретаря привозить тайно к самому началу. Причём от машины до дверей он шёл по коридору из молодых спортсменок. Были случаи, когда приходилось на машине уходить от полиции.

* * *

На партийных собраниях начали выступать ораторы-глашатаи, призывающие поехать в СССР, чтобы помочь советским рабочим и крестьянам построить коммунизм. Среди них

очень активным был Кордо, неоднократно бывавший в СССР. Некоторым для осуществления поездки он помогал деньгами.

Началось время «великой депрессии». Завод Форда в Детройте прекратил работу. Всех рабочих, имеющих машины с большим пробегом, просили сдать их под пресс. Взамен предлагалась в кредит новая машина.

Однажды Хенна, принимавшая участие в забастовке рабочих у ворот завода, получила по лбу полицейской дубинкой. Косой шрам остался у неё на всю жизнь. Полиция впервые для разгона толпы применила слезоточивый газ. В результате погибли 2 человека и 42 были ранены.

В это же время в квартире у Лоннов ночевал Вильям Куосман, будущий создатель советских электропил Вакоп, К-5 и К-6, а может быть, и ЭПЧ-3. Он ухаживал за своей будущей женой, собирался поехать в СССР и подыскивал себе техническую литературу. (С ними я познакомился в Химках, когда, будучи в 1961 году на преддипломной практике, заехал в ЦНИИМЭ передать им привет от Альберта Лонна и его жены.)

С начала тридцатых отъезд людей в Советский Союз активизировался. Хенна была тверда в своём решении выехать из страны. Партийное руководство дало ей отличную рекомендацию для вступления в КПСС. Первым в Союз с другом отправился Арвид, уже окончивший электротехнический колледж. Из Ленинграда их отправили под Мурманск на строительство электростанции. Там их поселили в коммуналку, где жил офицер с супругой. Не прошло и месяца, как случилась трагедия. Воскресным утром Арвид с другом в своей комнате стреляли из пневматического пистолета по мишени. Хозяина дома не было. Его жена зашла к ребятам и, смеясь, сказала, что таким красавцам не к лицу стрелять из детских игрушек. Она вышла и через несколько минут вернулась с пистолетом в руке. Арвид протянул руку, взял пистолет за ствол и потянул его на себя. Грянул выстрел. Пуля попала в сердце. Решение суда было – несчастный случай.

После такой трагедии Хенна заторопилась с отъездом. Тяжелее всего было моей маме, которой пришлось принять судьбоносное решение – в спешке выйти замуж. Правда, она успела успешно окончить колледж по специальности «машинистка-стенографистка» и завоевать на соревнованиях по скорости печатания серебряную медаль (золотая досталась юноше).

В семье остался её старший брат, музыкант. (Он будет воевать с фашистами в Африке и полу-

чит серьёзную контузию.) Со слезами на глазах с палубы она помашет рукой стоявшему на пристани своему папе.

Отец рассказывал мне, что в пути сильно штормило и пассажирам было запрещено выходить на палубу, но сам он, не страдающий морской болезнью, разрешение на это получил. Они приплыли в Швецию, потому что в СССР пассажирские суда ещё не ходили. Здесь они встретили возвращающихся из СССР финнов. Те говорили об ужасных условиях жизни в стране и советовали вернуться в Америку. Позднее некоторые эмигранты, не сдавшие свои американские паспорта, выедут из Советского Союза.

Большинство людей, стремившихся к новой своей цели, поплыло в Ленинград. Многие семьи, в том числе и мои родители, прибывшие этим рейсом, были отправлены в Петрозаводск.

* * *

Петрозаводск, конечно же, связан с именем Петра Первого. История Петрозаводска началась в конце июня 1703 года, когда была совершена первая отливка на Петровском оружейном заводе. Государственная оружейная мануфактура была заложена на реке Лососинке, рядом с Онежским озером, по указу Петра I.

Пушки, произведённые на Петровской мануфактуре, помогли Российской империи победить в длительной Северной войне. В 1773 году на реке Лососинке начато строительство другого крупного промышленного предприятия – Александровского пушечного завода. Производство было запущено летом 1774 года. В октябре этого же года была отлита первая пушка. Построенный завод был оснащён передовой техникой того времени. Он в полной мере обеспечивал артиллерийским оборудованием (чугунные пушки и ядра) флот и крепостную артиллерию. Впервые электричество появилось в Петрозаводске в 1902 году, когда на Александровском заводе была пущена гидроэлектростанция на реке Лососинке.

Лоннам достались две небольшие квартиры в двухэтажном доме.

Хенна с мужем Матвеем поселились в одной квартире, а Альберт Матвеевич с Дорой Августовной – в другой. Дрова были на улице и туалеты тоже. С продуктами было тяжело, пока были доллары в «инснабе», можно было всё купить. Позднее стали распродавать вещи. Финны, жившие в этом доме, решили построить туалет с сиденьем. Построили его, и на следующее же утро он был опрокинут на землю.

Наладив минимальный быт, все члены семьи Лоннов устроились работать. Мама, Дора Августовна, как опытная машинистка-стенографистка, быстро нашла работу в редакции газеты «Totuus» («Правда»). Бабушка Хенна, собрав все свои рекомендации, отправилась в горком партии, где её серьёзно огорчили. Из приехавших американских коммунистов в КПСС был принят только человек, который во время «драки» с полицейскими бросил одному из них в глаза перцовый порошок...

С этого момента Хенна отказалась от курсов русского языка и занялась хозяйством на две квартиры. Она быстро изучила названия основных продуктов, хотя в Карелии (Карело-Финской республике) в то время можно было этого не делать. Дед Матвей нашёл работу столяра на слюдяном заводе.

В это время автозавод в Горьком начал выпускать грузовые автомашины АМО-3. Эти машины, оборудованные прицепом, в Петрозаводске предполагались для вывозки леса из Соломенного на Петрозаводский фанерный комбинат. С водителями в то время было плохо. Пригодились молодые «американцы», получавшие водительские права, с разрешения родителей, уже с 16 лет. Отец пришёл на автобазу и показал свои права. Директор повертел их в руках, ничего не понял и попросил его продемонстрировать своё умение. Отец уверенно задним ходом загнал прицеп в открытый гараж. После этого водители, не знавшие пока русского языка, получили советские «права» без всяких экзаменов. Лесовозная дорога, по которой иностранцы вместе с несколькими русскими водителями стали вывозить брёвна, пролегалa через болото, по которому были проложены лежни. Поскольку приезжие водители двигались значительно быстрее, на лежнёвке участились встречи гружёных и пустых машин. Разъездов не было, поэтому порожней машине вместе с прицепом приходилось съезжать на болото и вызывать затем подъёмный кран. Чтобы избежать таких случаев, пришлось составить график движения.

* * *

С приездом американских и канадских финнов оживилась спортивная жизнь в республике. Они сумели создать несколько бейсбольных команд, как мужских, так и женских.

В те годы отец с командой баскетболистов побывал в Ленинграде, где они сыграли с курсантами военно-морского училища им. Фрунзе. С хок-

кейной командой он выезжал в Архангельск.

Летом 1936 года команда бейсболистов была приглашена в Москву, где на стадионе «Локомотив» встречалась с командой химико-технологического института. Первая игра закончилась победой «карелов» со счётом 17:2. На второй день счёт был 17:4. После игр состоялся праздничный обед. Присутствовавшие на матче представители посольства из США пожелали поговорить с капитаном команды. Альберт Лонн в сопровождении «куратора» отправился на переговоры. Посольские американцы хотели сыграть с бывшими американцами. В разговор постоянно вмешивался «куратор» и в конце концов не дал согласия на игру. Не понимая разговора, он постоянно задавал вопросы. (Вероятно, и этот эпизод будет фигурировать в биографии отца через пару лет.)

Кроме спортивных игр, привлекала авиация. Молодые спортсмены сумели привезти в ящиках в Петрозаводск в разобранном виде целый лёгкий самолёт, собрали его и даже взлетели. Недолго летали, потому что двукрылый «истребитель» заставил «самозванца» приземлиться. Самолёт был конфискован.

Зимой на льду Онежского озера с помощью резиновых строп эти же спортсмены запустят в небо планер. Альберт Лонн примет участие в этих полётах. (Пройдёт лет 30, и отец расскажет, что ещё в школьные годы они с другом смастерили из фанеры планер на колёсиках и решили испытать его. Для этого они подняли планер на крышу высокого дома. Каждый хотел первым испытать планер в полёте. Жребий выпал другу. Приземление планера было настолько удачным, что друг даже ничего не сломал.)

Прославились в те годы также канадские лесорубы, которые своими лучковыми пилами в одиночку валили и раскряжёвывали стволы. Это позволило повысить производительность труда в несколько раз.

Точной даты перехода отца на работу на седьмую ГЭС я не знаю. Однажды он своему новому коллеге по работе подарил костюм. Об этом узнал сотрудник НКВД, курирующий ГЭС, и спросил отца, за сколько же тот продал костюм. Услышав, что это был подарок, он тут же сказал: а мне можешь подарить? Получив отказ, он сказал, что отец ещё пожалеет об этом.

Летом 35-го года отец с получкой вечером возвращался домой с работы. В кустах, недалеко от Онежского тракторного завода, сидели три мужика и играли в карты. Увидев отца, они тут же встали и пригласили его поиграть. По их виду он понял, что это похоже на приказ. Он поиграл с ни-

ми какое-то время, оставил в кепке небольшую сумму денег и сказал, что отойдёт на минутку по нужде. «Бейсболист» включил «пятую скорость» и благополучно пришёл домой.

В предмайские дни застучала-забарахлила турбина. Прибывшие из Москвы специалисты сказали, что требуется срочная замена подшипников. Работа заняла несколько майских дней. Не прошло и нескольких дней, как «куратор» из НКВД попросил отца подписать донос на директора, что тот специально в праздничные дни затеял ремонт. Из-за отказа отца от подписи вновь начались угрозы.

На ГЭС вместе с отцом работал приехавший из Америки швед. Он был исключительно сильным, занимался спортом и однажды продемонстрировал «фокус» не для слабонервных. Удерживая пассатижами два провода с напряжением 220 вольт, он зажёл через себя лампочку мощностью 20 ватт. Сжатые накрепко руки начинали прижиматься к груди, и требовалось огромное усилие, чтобы их разжать. Ток, проходивший через человека, уже считается смертельным. С этим же шведом отец в 1937 году за одну ночь отремонтировал на ГЭС генератор, за что был награждён председателем Петрозаводского горсовета именными часами.

* * *

В 1938 году аресты уже шли полным ходом. В НКВД отца предлагали стать разведчиком, но отец сказал, что он, как спортсмен, слишком известен, поэтому для такой работы не годится. К этому времени никто ещё не знал, что финны, которые согласились стать разведчиками, после подготовки были заброшены за границу, а после возвращения как изменники расстреляны. «Чёрный воронок» колесил по ночам по городу, и люди исчезали. Говорили, что из музыкального училища брали даже детей. Люди, думая о своём спасении, стали доносить на других. О многих исчезнувших родные узнавали через долгие годы. Я упоминал о Кордо, кто занимался агитацией в Америке по поездке в СССР. Он был в Карелии арестован, и Андропов (будущий генсек), работавший в Карелии во время войны по комсомольской линии, обещал его 17-летней дочери, работавшей машинисткой в газете, сообщить о судьбе отца. Андропов, безусловно, узнал, что тот расстрелян, но ей так и не рассказал об этом.

Знакомый партработник сказал отцу, что аресты должны скоро прекратиться и ему стоит скрыться на время где-нибудь на островах

Онежского озера, пока всё не уляжется. Может быть, в этом и был какой-то смысл, но отец из-за рождения ребёнка поступил по-другому.

По тому, как стали исчезать знакомые люди, отец понял, что арест неизбежен. Он не стал ждать «ночного воронка», чтобы не травмировать семью, собрал вещи в рюкзак и отправился в «кутузку». Дежурный попросил документы, посмотрел в журнале список арестантов на эту ночь. В списке отца не оказалось. Тогда отец попросил дежурного посмотреть список на следующий день. С этой минуты у отца началась новая жизнь и первая ночь в камере.

Через три месяца подписать бумагу, что Альберт Лонн – американский шпион, заставят подружку мамы, которая отмечала моё рождение на яхте. На глазах у отца ей зажмут пальцы в дверях, и он, не в силах смотреть на такие мучения, решил избавить эту подружку мамы от дальнейших пыток, поэтому крикнул, чтобы она подписала любую бумагу. (Амнистия придёт через 18 лет с компенсацией в виде двухмесячной зарплаты с места последней работы.)

Вятлаг

К концу 30-х годов в ведении ГУЛАГа насчитывалось 53 лагеря. Одним из островов этого мрачного «архипелага» был Вятский лагерь. История его создания восходит к 1931 году, когда была обозначена прокладка железной дороги Яр – Фосфоритная. Первые бараки – лагерные пункты – с этого момента стали появляться на всём протяжении строящегося железнодорожного полотна Гайно-Кайского направления. Лагерный пункт – это клочок земли, отвоёванный у тайги руками заключённых, обнесённый забором из колючей проволоки, с запретной зоной, сторожевыми вышками по углам, контрольно-пропускным пунктом, бараками и коммунальной службой внутри зоны. Неизменными спутниками подобных образований были казарма для охранников, помещение конторы, дома для проживания сотрудников и производственная зона, где использовался труд заключённых.

О жизни отца в Вятлаге я узнавал от него самого постепенно, с годами.

Сейчас я думаю, что никто в нашей семье не узнал всего, с чем столкнулся мой отец в застенках. Наверное, только мне, уже повзрослевшему, можно было рассказывать в деталях о «жизни» в лагере. Труднее всего в лагере было интеллигентам и людям со слабым здоровьем. Трудно было

привыкать к баланде, в которой иногда были тараканы и мухи. Отец многократно говорил сокамерникам, что есть надо всё, не глядя в миску. Для работы и просто жизни нужны были калории.

Если у Солженицына политические жили вместе с уголовниками, то, к счастью, в Вятлаге они жили в отдельных бараках. Отцу было легче, потому что его по специальности отправили работать в электроцех.

Был в лагере и медпункт, в котором оказались московские врачи. Когда отец заболел цингой, профессор из медпункта посоветовал ему включить в рацион питания фрукты и овощи, а после этого ещё добавил, что и водка могла бы помочь. При перемотке электродвигателей и генераторов используется лак на спирту. Цех этим и занимался. Вольнонаемный завскладом, по национальности украинец, ленился сам открывать склад и давал ключ работникам-заключённым, которые сами брали необходимые для работы материалы. На складе был бидон с лаком. Лак в бидоне отстаивался, и можно было сверху черпнуть чистого спирта. Отец так и сделал. Через неделю начальник заметил снижение уровня содержимого в бидоне и грозно спросил, чья это работа. После длительного молчания заключённых он пригрозил, что нальёт в бидон керосина, чтобы виновник сдох. Узнав, что керосином можно горло лечить, отец еще несколько дней долечивал болезнь. Часть заключённых работала на лесоповале, были в лагере также пошивочная мастерская и своя пекарня. В пекарне работали турецкие кондитеры, которых посадили за то, что они сообщали в Турцию о количестве изготовленных ими в России пирожных. Среди кондитеров были борцы, и они даже в колонии старались поддерживать форму. Отец долгое время тренировался с ними и овладел многими борцовскими приёмами.

Однажды электрики выполнили какой-то заказ, и всех премировали варёной картошкой с селёдкой. Всю премию они принесли к себе в цех. Это увидели уголовники и решили завладеть товаром. Это была не первая их попытка побывать в электроцехе. Но отец придумал средство защиты. К наружной дверной ручке подключил фазу, а перед дверью снаружи положил хорошо заземлённую металлическую решётку. В случае опасности выключателем можно было подать ток на наружную ручку. Когда же один из бандитов попытался открыть дверь, он прилип к ней, а все помогающие ему оторваться от ручки тоже получили хорошую встряску.

В пекарне отец с наружной стороны сделал уст-

ройство, которое при сильном ветре отключало ток. Его тут же вызывали на ремонт. К себе в барак он возвращался весь облепленный под рубашкой тестом, которое потом прилепилось к раскалённой печке. Такие праздники были для отца и его близких друзей нечастыми. Странно, что никто из сокамерников не рискнул сообщить об этих праздниках надзирателям.

Как востребованный универсальный специалист, отец имел пропуск для выхода из зоны. Он говорил, что летом ему удавалось собирать на обочине дорог иван-чай, грибы и ягоды. Увидев однажды начальника лагеря с сынишкой, отец решил сделать парню «ветряную электростанцию». На шкив автомобильного генератора был закреплён пропеллер с тремя метровыми лопастями. Устройство закрепили на мачте, оно поворачивалось навстречу ветру, и зажигалась лампочка в автомобильной фаре. О реакции получателя подарка не говорилось.

В лагере иногда показывали кинофильмы. Билеты давали только ээкам, не имеющим замечаний по жизни и по работе. В бараке оказался хороший художник, который умел рисовать билеты, и появилась возможность чаще смотреть фильмы. Этот же художник сделает в сороковом году отцу его портрет.

Когда началась война, многие политические заключённые стали проситься на фронт, но поскольку сидели в лагере в основном «враги народа», начальники только посмеялись над этим.

Война была в разгаре, когда начальник лагеря дал задание еврею-портному сшить ему военную форму. Форму портной сшил, прицепил полковничьи погоны, сложил всё в мешок и, имея пропуск, сбежал из лагеря. Надев на себя форму, он спокойно сел в Лесном на поезд, следовавший в Киров. Потом стало известно, что он выходил на станциях и все военные отдавали ему честь. Он, как окажется позднее, собирался в «город хлебный» Ташкент. Но доехал он только до Кирова.

Человеческая жизнь в неволе не ценилась. Начальство списывало смерть от поножовщины, непосильной работы, голода как естественную убыль от болезней.

Говорили, что заключённых ГУЛАГа иногда перевозили в другие лагеря. Это произошло и в Лесном, причём вывозили политических вместе с уголовниками. Колонна формировалась за воротами. Там уже стояли автоматчики. Перед отправкой всех тщательно обыскивали. За воротами уже стояли уголовники, и туда же вышел «политический». Уголовники окружили его и сразу разошлись, тот остался лежать на земле мёртвым. Сле-

дующий заключённый сказал, что его тоже убьют, и отказался выходить. Его стали выталкивать за ворота, но он вывернулся, оголил свой живот и бритвой сделал разрез. Стоявший недалеко начальник крикнул, чтобы зэку дали иглу с ниткой и пусть сам зашивает свой живот.

В разгар военной зимы был сильный снегопад, и весь Вятлаг вывели на расчистку железнодорожных путей. Было морозно, и дул сильный ветер. Многие были в рваных телогрейках и самодельной обуви. Целый день без еды. Люди падали, и никто их не поднимал. Говорили, что трупов за этот день набралось около трёхсот.

Как-то летом, в один из предвоенных годов, в Верхнекамском районе случился лесной пожар. Он был верховым и стремительно накрыл один из лагерей. Говорили, что уцелел только один человек, который в лагере разобрал деревянную часть колодца и спустился в него. Летом 1938 года бушевали невиданной силы пожары, начавшиеся в пермской тайге. Огненный смерч подступил к Кирсинскому заводу, посёлку, на пути выжигая многие деревни Верхнекамского района. Например, деревня Чурша сгорела полностью, остальные деревни пострадали частично. Пожар продолжался почти целую неделю. Ветер дул страшной силы, рассыпая вокруг золу, в воздухе летали головёшки, дышать почти нечем. Сгорели железнодорожная станция, мосты, движение поездов остановилось. Ночью из посёлка торфодобытчиков сообщили, что сгорело пожарное депо вместе с командой. Но впоследствии выяснилось, что команда уцелела, отсидевшись в пожарном водоёме.

В лагере с отцом подружился Игорь Соколов, сын белогвардейского офицера. Он владел английским и окончил радиотехнический факультет в Одессе. К ним в компанию вклинился Виктор Герман. Родители привезли его в Союз из Америки, и теперь он нашёл, с кем можно поговорить. Однажды он сообщил Игорю с отцом, что рассказал полковнику, что у них есть изобретение, имеющее военное значение, и теперь они должны переместиться в отдельную камеру и начать над ним работать. Сказал также, что питаться они будут пищей из офицерской столовой. Такое заявление Виктора вызвало шок: в военное время придумать такое самостоятельно и впутать в это дело своих «новых друзей». Игорь и отец наотрез отказались от этой авантюры. В компании он сам только рассказывал о своих спортивных достижениях и ни о каких изобретениях и речи не было. Виктор запаниковал, представляя, что с ним может случиться, если его «но-

вые друзья» откажутся изобретать. Игорь с отцом прекрасно понимали, что теперь и их могут обвинить в сокрытии изобретения военного значения. Стали думать. Отец вспомнил, что он ещё в Детройте в музее заинтересовался торпедой и нашёл в книге её устройство. Он рассказал Игорю, что мог бы по памяти начертить эту торпеду, на что Игорь сказал, что попробует сделать её радиоуправляемой. Работа началась, им приносили пищу, доставали даже из Москвы запрашиваемую справочную литературу. Рабочие чернового переписывал Виктор. Полковник регулярно посещал изобретателей и спрашивал, когда закончится работа. Месяца через три изобретатели почувствовали, что работу пора заканчивать. Под работой авторы должны были поставить свои подписи. Отец, как неграмотный иностранец, подписывать отказался. Игорь тоже отказался, сказав, что Виктор всё это затеял и пусть подписывает. Виктор, похоже, с радостью подписал. Все вернулись в свой барак, а папка с «торпедой» была отправлена в Москву.

Через две недели Виктора вызвали в контору и сказали, что «автору» необходимо отправиться в Москву. Вызвали в Москву и русскоязычного Игоря. В лагерь оба не вернулись. (Позднее отец из письма Игоря узнает, что хотя радиоуправляемая торпеда была создана уже до них, что-то интересное в проекте всё же нашли. Самого Игоря оставили досиживать срок в Бутырке. Виктор найдёт адрес отца, когда в конце пятидесятых тот уже будет работать главным энергетиком треста Запкареллес.)

Судьба Альберта Матвеевича Лонна – это типичная судьба иностранного специалиста в сталинскую эпоху. Восемнадцать лет тюрем, лагерей, ссылки провёл Альберт Матвеевич, и лишь в 1956 году наступила амнистия.

Эвакуация в Молотовскую область (Пермский край)

Детские воспоминания об этом периоде у меня скользкие, какие-то неясные. Эвакуация из Петрозаводска была скорой. Уезжали в суматохе, толчее, растерянности. Взрослые верили, что вернутся, но понимали – это случится не скоро. Неразбериха тогда царил ужасная.

Много вещей брать не разрешалось, отобрали у нас радиоприёмник и сказали, что война скоро закончится и можно будет вернуться домой. Маму отправили с редакцией в Беломорск, а мы (я, дед Матвей и бабушка Хенна) на барже поплыли

по Онежскому озеру. Чудом избежали бомбёжки (следовавшая за нами баржа была потоплена). В пути я заболел.

Эвакуировали нас в Молотовскую область в августе 1941 года. В районном центре Елово мы, две финские семьи, сошли на берег, и нас на телегах за пять-шесть километров привезли в деревню Крюково, что находилась на левом берегу Камы. Там нас подсадили к женщине с маленьким ребёнком.

Я так болел, что был без сознания. Дед Матвей и бабушка Хенна по-русски почти не говорили, поэтому хозяйке пришлось самой вызывать ветеринара, другого медперсонала в деревне не было. «Доктор» посмотрел на градусник, там было больше 40 градусов, и сказал хозяйке, что у пацана скарлатина и он до утра не доживёт. Мама, получив известие о моей болезни, отпросилась из типографии и вскоре приехала.

Что сделала моя 56-летняя бабушка, я до сих пор не знаю. Я выжил, но от меня заразился 3-летний сын хозяйки и быстро умер.

После приезда мамы нас переселили в другой, пустующий, дом.

Вечера мы проводили при свете лучин, и я не помню, была ли у нас керосиновая лампа вообще.

Все взрослые обязаны были работать за трудодни, поэтому три военных года я целыми днями сидел в запертой квартире у окна, слушая крики извозчиков, понукающих стареньких лошадей.

Я, как все дети, был подвижной, беспокойной натурой. Вспоминая такой случай, связанный с моими «успехами» в русском языке. Однажды в воскресный день к нам зашёл какой-то мужчина. Они с мамой о чём-то беседовали, а я стал упражняться в русском языке и хлестал, как извозчики лошадей, верёвкой сундук. Гость стал что-то объяснять маме. После этого мне запретили пользоваться этими словами.

Правда, как-то раз мы с мамой пошли на конюшню, где маме дали лошадь, запряжённую в телегу, чтобы привезти дрова, которые дед собирал в лесу. Мама никогда не держала в руках вожжи, и сколько бы она ни дёргала за них, лошадь не собиралась двигаться. Чистая правда, что я выпросил вожжи у мамы, раскрутил их над головой и, сопровождая всё это словами извозчиков, ударил по лошади. Она послушно зашагала...

Память, особенно маленького ребёнка, причудливо устроена, как будто распределяет события по ящичкам. Мне уже было 5 лет, когда в дверь кто-то постучал и заговорил по-фински. Я впустил незнакомца. Он сказал, что знает моих роди-

телей, потом сильно закашлялся... Вечером все долго разговаривали. Спал он на русской печи. У него был туберкулёз, и его отпустили из трудового лагеря умирать. Действительно, через неделю он скончался.

Я наблюдал, как в селе Крюково проходили строем солдаты с деревянными винтовками. Они шли к высокой горе на окраине деревни, где учились стрелять по принесённым с собой мишеням.

На Новый 43-й год мне подарили лыжи и пару просмолённых лапоточек. Эти лыжи были у меня в жизни первыми. Хорошо помню, как я решил их опробовать, покатился на них с горы и упал в сугроб с головой. После этого я на время забыл про лыжи.

Весной 44-го к нам во двор пришли какие-то люди. Узнав, что в доме никого нет, они стали спрашивать меня, ходим ли мы собирать колоски на поле. Я понятия не имел, о чём они спрашивают, но сказал, что не знаю никаких колосков. Позже все мы узнали, что за колоски людей сажали.

Возвращение из эвакуации в Петрозаводск

Летом 1944 года пришло известие, что Петрозаводск освобождён от финнов и можно возвращаться домой.

Из деревни Крюково обе финские семьи на телегах выехали в райцентр Елово, где погрузились на теплоход. На нём не было кают, только двухъярусные полки. На четверых у нас было две полки, поэтому спать приходилось по очереди. Здесь, под палубой, я впервые услышал крики, что Сталин убийца. Это кричал надрывно человек в равной шинели, прикованный к стойке. Он кричал долго, но его никто не трогал. Скажу сразу, что второй раз такие же слова я услышал в Песковке, когда занимал очередь в магазин на ул. Ленина. Это кричал сидевший на лавке подвыпивший человек с деревянной ногой.

В Рыбинске наш теплоход стоял довольно долго. Говорили, что должны хлеб привезти. Детям разрешили побегать, и я с ними. Большие ребята убежали подальше к домам. Позднее я узнал, что в одном из пустующих домов ребята нашли пианино и один из них, очевидно, ударил по клавишам, раздался взрыв.

Приплыли в Петрозаводск, и прямо с пристани мама отправилась в редакцию, где её с радостью встретили. Вскоре появилась машина, на которой нас привезли на квартиру. Это было полуподвальное помещение, окно почти вровень с землёй, без кухни и туалета. Отопление было печное,

и первое время мы с бабушкой ходили и собирали на улице всё, что могло гореть.

Как-то раз на ближайшей железнодорожной станции мы хотели подобрать кусочки угля, но нас просто прогнали. Дед, до войны работавший на слюдяной фабрике, пока сидел дома. Однажды я стащил во дворе из поленницы две чурки, которые дед стал раскалывать. При этом он занозил палец. Хмурый по натуре, он никому ничего не сказал. Через какое-то время, это я хорошо помню, он показал руку маме. По руке до локтя шла синяя полоса. Дед своим ходом отправился в больницу. Шла война, эвакуированные возвращались домой, плохо владевший русским языком дед не дождался помощи и умер от заражения крови. Он был похоронен в общей могиле.

Кое-как дождались окончания войны. С мамой ходили смотреть салют Победы, подошли слишком близко к артиллерии, и после первого залпа я упал на землю, испугавшись страшного грохота, прямо маме в ноги.

Приближалось 1 сентября. Всем мальчишкам-первоклассникам давали серые костюмчики. Детям врагов народа костюма не полагалось. Нашлись добрые люди и подарили нам костюм не моего размера. Мама обрезала рукава, на большее не хватило времени. Я был полным дистрофиком, и мамина знакомая взялась меня откармливать. Она была одинокой, ее муж погиб в трудовых лагерях, а маленький сын во время войны умер. Говорили, что она несколько раз старалась сына откопать.

Бабушка по ночам в какой-то столовой мыла посуду и полы. В этой столовой меня покормили всего один раз, да и остатки супов бабушке не доставались.

Учиться я старался, но часто болел, да и с русским языком ещё были проблемы.

Несмотря на пропуски занятий по болезни, первый класс был окончен. Табель, учитывая все обстоятельства, получился худшим из всех моих последующих десяти.

Летом я опять собирал щепки и маленькими ведёрками носил из колонки воду. До колонки было метров 400, и ходить приходилось раза три. Играл с дворовыми ребятами в прятки и в войну «за красных или за синих». Мне приходилось играть за «синих».

Однажды я возвращался с прогулки на речку Лососинку и увидел, как ребята с нашего двора бросают бутылки по стеллажам бутылок в помещении под продовольственным магазином. Они позвали меня присоединиться и протянули мне бутылку. Я отказался, но бутылку взял и

отправился домой. Дома мама, увидев у меня бутылку, заставила отнести туда, откуда взял. Только я вышел на крыльцо, как встретил ребят с милиционером. Это он, сказали они. Разговор состоялся у нас дома, но я забился под кровать и ревел.

Через неделю я с ведёрками возвращался домой, и шагавший рядом человек в милицейской форме спросил меня, не знаю ли я, где живут Лонны. Я сказал, что во втором подъезде, а сам нырнул в первый и быстро закрыл дверь. Вскоре раздался стук. На стук никто не ответил, видимо, дома никого не было. Больше хулигана власти не разыскивали.

Жизнь и учёба в Песковке

В октябре 1946 года нам в Петрозаводск пришла телеграмма от отца из Песковки. Мы даже не знали, жив ли отец (тюрьма, без права переписки). А тут такая радость! Сборы были недолгими, продали сундук, простились со школой и – в путь.

Воспоминания мои об этой поездке хаотичные, потому что от стука вагонных колёс я засыпал. Помню, что мама бегала за кипятком на остановках, в Кирове купила буханку хлеба за 200 рублей. Позже я очнулся на перроне, где к нам подбежал какой-то незнакомый рыжий дядя и стал нас за чем-то обнимать и целовать. Какое-то время ждали наш скромный багаж, где самым ценным грузом была швейная машина «Зингер», погрузились в сани и поехали, как оказалось, в дом Николая Костылева по улице Байдарова.

Хозяин жил в небольшой комнатухе и часто отсутствовал. Частенько приходил пьяным и что-то бурчал. Правда, при отце он замолкал. Сейчас я уже не могу обрисовать наше жилище. Помню широкие двустворчатые ворота с крышей и рядом высокий забор. За водой ходили по улице к колодцу метров за пятьдесят. С четвертого класса вода станет в нашей семье моей проблемой.

Буквально через день мама отвела меня в школу. К сожалению, я уже не помню, как всё было. Ровесница Нина Цылева говорит, что в перерыве она с одноклассниками прибежала смотреть на какого-то «американца», которого звали Ким.

В школе я оказался без учебников. Приходилось каждый день забегать к кому-нибудь списывать задания. Тетради мне делала мама из какой-то оберточной бумаги, и перо постоянно натыкалось на древесные волокна. Листы с кляксами выдирались и задания переписывались. С

русским языком дело поправлялось. Дело в том, что первые русские слова я начал изучать только в четыре года. Это были услышанные через окно слова извозчиков, понукавших лошадей.

Заводской посёлок в 1946 году выглядел так. Усадьбы с деревянными домами, в палисадниках которых кусты черёмухи, рябины или сирени, живописно располагались по берегу реки Вятки; в середине посёлка – пруд с плотиной для бесперебойной работы завода. Чугунолитейный завод, на котором что-то скрежетало, грохотало, пытело, ухало, звенело...

На Угоре возвышалась двухэтажная деревянная школа, невдалеке – памятник с пятиконечной звездой в деревянной оградке – братская могила героям, погибшим в Гражданскую войну. Перед школой рошица из тополей, посаженных старшеклассниками-выпускниками.

Песковская средняя школа № 4 на Школьной улице, отметившая уже 75-летний юбилей, построенная в 1871 году, находилась в двухэтажном деревянном здании; в тридцатые годы школу перестроили, а материал для строительства брался из брёвен разобранной церкви. Директором школы в 1946 году была Прасковья Степановна Плотникова.

Жить в Песковке в послевоенные сороковые годы без подсобного хозяйства было нелегко. Почти у всех местных были огороды и живность. Иногда по осени, когда резали скот, нам доставалась кровь. Местные жители, похоже, никогда кровь не использовали в пищу, а у нас из неё получались вкусные лепёшки.

Откуда-то Прасковья Степановна узнала, что новый ученик плохо выглядит, и однажды после уроков она отвела меня к себе домой, где её мама стала меня кормить. Так я ходил к ней целый месяц. Такой еды я никогда даже не нюхивал. Только один раз Петя Пигилев, что жил через дорогу, дал пожевать кусочек жмыха. Было вкусно, но это произошло до моего откармливания у Прасковьи Степановны. Жмых и зерно, похоже, производили в Бисерово и по зимнику обозом привозили на станцию. На ночь они останавливались в посёлке, а утром отправлялись разгружаться. Я видел, как к Пигилевым вечером в ворота заезжали сани с мешками.

На улице Байдарова мы играли в «котёл» бильярдным шаром. Водящий должен был попасть в ямку, а игроки одной ногой стояли в своем городке и битами отбивали шар. В эти же годы ребята начали играть на деньги в «чику», где выигрыш определялся замером вершком расстояния между монетами.

Зимой на пруду появился каток с освещением. Мне очень захотелось иметь коньки. Многие ребята уже катались на снегурках. Однажды, возвращаясь из школы домой, один парнишка сказал мне, что у него есть ледоколы и он отдал бы их мне за четыре картошки. Никогда я не залезал в погреб, а тут взялся помочь бабушке и достал ей картофеля миску и взял под рубашку 4 штуки. Их я спрятал в свой чемоданчик. Утром у меня поднялась температура, разболелось ухо, и я два дня лежал в постели. Утром меня спросили, для какой это цели я спрятал картошку.

Через день отец принёс мне коньки. Ощущения у меня были такие, что как будто начиналась самая увлекательная игра-охота. В один миг быт уходил в сторону, а мир взрывался чудесными красками. Жизнь ускоряла темп до бега. Пела каждая струна души, натягивался каждый нерв. Тут любая сложность бытия казалась простой. А высшим наслаждением было ощущение власти надо льдом, но худшим горем было остановиться на бегу и упасть. Невозможно понять чувства мальчишки, с головой погрузившегося в яростный водоворот игры. Время, несущееся стремительным потоком, обтекало эту игру, не хотелось, чтоб она заканчивалась: «Есть упоение в бою, у бездны мрачной на краю...»

Надо сказать, что на пруду даже по тонкому льду каталось много ребят. Пожалуй, лучшим из всех был Вова Цыглеев.

Я учился прилежно в школе, старался учиться на одни пятёрки.

В конце 3-го или 4-го класса меня отправили в пионерский лагерь в Залазну. В первый же день состоялся медосмотр, где мне запретили заниматься подвижными играми. Но я уже без футбола не представлял себе жизни. Как вычеркнуть из жизни стремительный вихрь атак, удар мяча о землю или о ногу? Как оторвёшь от сердца футбольное поле, которое в момент игры становится бурным, что сбивает с ног и поднимает вверх на гребень волны? На прощание с Залазной мы дали в клубе концерт. Я прочитал стих: «...а друг в труде, а друг в беде – мой настоящий друг» и получил бурные аплодисменты зала.

Со Школьной улицы кто-то уезжал в город «хлебный», и мы переехали в их дом. Здесь я познакомился с Веней Костылевым, Радиком Гюнтером и Петей Пигилевым. Мы играли в футбол тряпичным мячом, иногда босиком. У многих ребят появились поджиги. Это медные трубочки со сплюснутым концом. В трубку набивалась селитра, трамбовалась гвоздём, который резинкой ударялся по заряду. У меня поджига

была латунной и, видимо от избытка селитры, взорвалась.

Отец Радика – Иван, из поволжских немцев, скорее всего побывавший в Вятлаге, работал шофёром. Однажды он взял нас с собой в поездку за сеном. После загрузки нам разрешили забраться в кузов. Сена было много, и жердь, которой прижали сено, углубилась, и нам держаться было не за что. Дядя Ваня, видимо, забыл, что дети в кузове, и смело нажимал на педаль на ухабистой дороге. Чудом удержались.

Ещё помню, что нас было четверо подростков и мы гоняли лошадей на пастбище на луг к Вятке. Пастух при нас стреножил лошадей, и они, бедные, должны были всю ночь прыгать на трёх ногах.

По осени школьников посылали в ближние колхозы. В одном мы дёргали лён, а в другом собирали картофель. Вот в картофельном колхозе мы со Стасиком Смеховым договорились с конюхом, что он даст нам покататься на лошадях. Конюх вывел из конюшни кобылу и протянул уздечку Стасику. Тот быстро взобрался на неё с телеги, но в это время раздалось ржание жеребёнка. Кобыла рванулась к своему ребёнку, а ворота были низкие, поэтому седок ударился головой о перекладину и слетел с коня. Всё обошлось даже без ссадин, но у меня отпало желание поиграть в ковбоя.

Я захаживал на улицу Байдарова к высокому парню, по-моему, его звали Коля Катаргин. Он возился с мопедом, стараясь его починить, и мне интересно было смотреть на это. Позднее он всё же поедет на нём. Ещё помню, что к ним приезжал брат. Он был в морской форме и с кортиком. Коля сказал, что он лётчик.

Мы с Радиком мечтали сделать детекторный приёмник, но дальше мечты дело не дошло. А так мы с ним часто лежали на сеновале в свете маленьких лампочек, питаемых от списанных батареек телефонного узла завода, и тоже о чём-то болтали и мечтали.

* * *

В пятом классе начались уроки английского языка. К этому времени я уже кое-что знал на этом языке. В феврале у меня появилась сестра, и назвали её Лореттой. Имена своих будущих детей мама папе сказала ещё в Америке, так что мое имя Ким не имеет ничего общего с коммунистическим интернационалом. Многие песковчане думали, что это аббревиатура.

После рождения сестры в семье заговорили на английском, хотя бабушка со мной продолжала го-

ворить на финском. В пятом классе учителем английского языка у нас был Павел Иванович, капитан первого ранга и с протезом. Позднее мы узнали, что он продолжительное время находился в госпиталях и там, я думаю, выучил по словарю даже больше слов, чем знали выпускницы инязов того времени. Правила он нам читал по книге, а домашним заданием были переводы, так называемые «тысячи знаков». К сожалению, тогда в стране изучение языков сводилось к переводам. Узнав от меня, что в нашей семье говорят на английском, он попросил меня узнать, согласится ли мама помочь ему с разговорным языком. После этого он действительно несколько раз приходил к нам, и я слышал их разговор. В старших классах нас также не учили разговорному языку, помню только, что, заходя в класс, уже новая молодая учительница всегда спрашивала: кто дежурный сегодня?

Песковский чугунолитейный завод

Нельзя не сказать несколько фраз о заводе, так как мой отец там работал с 1946 по 1951 год. Песковский чугунолитейный завод был построен в 1772 году на базе крупных рудных месторождений в районе речки Песковки, впадающей в реку Вятку.

После М.П. Сюткина руководство заводом было возложено на Серова Павла Ефимовича (до 01.03.1959 г.).

В послевоенное время сломали корпуса доменных печей, установили два мостовых крана с грузоподъёмностью до десяти тонн. В механическом цехе установили новые современные станки с мощными электромоторами. Литейный цех имел пять пролётов, шихтовый двор с автоматическими подъёмниками шихты в вагранки, пролёт печного литья с двумя конвейерами, обрубной отдел. К цехам завода стала подходить колея железной дороги.

Как мой папа попал на завод? Директор завода Серов, получив ящики с надписями на английском языке, пытался найти специалистов из тех, кто приехал из Свердловска перематывать сгоревшие обмотки генератора. Перемотать-то они перемотали, но генератор не заработал. А «специалисты» поторопились уехать на вечернем поезде. Только в Вятлаге нашёлся спаситель – Альберт Матвеевич Лонн.

Его в контору привёл стрелок. Секретарь поглядела на него и сказала, что директор скоро придёт. Зэк прилёг у «голландки» и задремал. Директор Серов пришёл, отругал секретаря за то, что

гостя не покормили, потом рассказал о возникших проблемах зэку-специалисту, и они отправились на станцию. Там мой отец сразу попросил, к великому удивлению местных электриков, снять заднюю крышку генератора. Соединение катушек было выполнено неверно...

Ребятам поставили задачу, и они сами сделали перепайку, поставили крышку, но побоялись сами запустить генератор в работу. Хотя дело было сделано, но Серов решил подселить зэка-специалиста на недельку к какой-то вдовушке и одновременно стал обдумывать свои действия по строительству ЦЭС и возможности перевода отца на поселение.

Летом 1947 года реконструировали плотину пруда, убрали деревянную, положили две трубы диаметром два метра и сделали бетонное основание. Между литейным и механическим цехами засыпали канаву.

Скоро электростанция заработала. Первого мая Песковка впервые увидела на высокой трубе горящую Красную звезду и цветные лампочки на растяжках. Я прогуливался по дороге у ЦЭС и смотрел, как отец висит на ремне и подвешивает цветные лампочки на растяжках. Недалеко от меня стоял Павел Ефимович Серов и кричал: «Матвеевич, слезай, если упадешь, что я буду делать?»

(Кто отцу помогал звезду на трубу поднимать, знает лучше Михаил Корчемкин. Я знаю только, что отцу пришлось у Серова бутылку спирта просить.)

Построили и пустили ЦЭС с двумя котлами: «Шухов-Берлин» и «Митчелл» с двумя турбогенераторами по 500 и 550 кВт. За зданием ЦЭС и плотиной построили подстанцию с ячейками под трансформаторы 750 кВа и 6256/0,4 кв и распредачейками 6 кв.

Директор ЦЭС Степанов дал отцу ружьё «Зауер-три кольца», и он сходил с ним на охоту. Видимо, побывал на току, и ему удалось убить трёх глухарей. Оперение у самцов чёрное с металлическим оттенком, их хвосты имеют белые точки. Красные брови глухарей также заметны. Их звонкие ухаживания состоят из трёх элементов: щелчки, глотки и раздувание. Слышен громкий удар крыла, когда птицы летят. С приходом весны самцы собираются в одном месте, где происходит демонстрация ухаживания. В это время самочки оценивают их и выбирают себе пару. При этом самцы могут вести себя агрессивно. Ну, и полетели во все стороны глухариные перья! Вот в это самое время и подбил Альберт Лонн трёх глухарей.

Возвращаясь домой, он увидел, что стрелка компаса начинает поворачиваться назад по мере движения вперёд. Очевидно, недалеко от Песковки были залежи железной руды...

Вечерами отец часто надевал на глаз лупу и занимался ремонтом часов. Я внимательно следил за его действиями и как-то сам решил осмотреть очередную «Победу». Снял крышку и маленькой отверткой стал поворачивать маятник. Что-то хрустнуло, сломалась ось. Вечером отец решил заняться ремонтом этой злополучной «Победы». Хозяйке часов сказала, что починить часы можно только в Омутнинске. Обо всём этом, о моём неумелом ремонте, отец узнал лет через двадцать.

Я уже упоминал о том, что в 1936 году отец был капитаном команды бейсболистов, которая на соревнованиях постоянно выигрывала. Эту страсть к спорту он пронёс через всю жизнь, несмотря на условия, в которых находился.

Однажды отец вернулся из Омутнинска после ежемесячной отметки в НКВД и привёз баскетбольный мяч и боксёрскую грушу. В воскресный день он взял мяч, и мы пошли к клубу на площадку. Отец стал разминаться. Скоро набрались и зрители. Я впервые видел, какие фокусы можно вытворять с мячом. В заключение он забросил мяч почти с центра поля в кольцо четыре раза из пяти попыток.

Вскоре набралась и команда, в которой были Анатолий Казаринов, учитель физкультуры – танковый десантник с чёрной повязкой и наверняка Миша Корчемкин. Они выиграли первенство района. Когда сделали каток с освещением, народ сам после снегопада расчищал поле. Дома я видел отцовские «дутьши», приклёпанные к ботинкам, и самодельную клюшку. Позднее я узнал, что команда играла в Омутнинске и отец сломал три клюшки.

Летом где-то состоялись соревнования по городкам. В городки я всего несколько раз с ребятами играл на площадке перед школой. Первый раз это было на уроке физкультуры.

Отец никогда в жизни в городки не играл, а сумел выиграть первенство района. Кто-то из спортивного руководства просил отца ехать играть на первенство Кировской области. Зная, что отец невыездной, спортивный руководитель сказал, что наденет все свои ордена и решит проблему. Наверное, орденов не хватило. (Пройдут годы, и отец со своим скромным орденом «Знак Почёта» зайдёт к своему учителю, уже седоватому полковнику. Тот «расплатится» – мол, время такое было, что он не виноват. А кто?)

Пожар на Песковском заводе

В 1951 году на заводе произошёл пожар. В конце мая загорелся модельный цех (в нём находилась большая партия деревянных моделей). Рушились потолки, и огонь пожирал сразу обе стены.

Когда на заводе случился пожар, мы с ребятами после уроков бросились «тушить» его. Я уже не помню, с кем из класса я был. Помню только, что мы намазались сажей, показывая свое участие в тушении пожара.

Приближалась осень 1951 года. Все эти месяцы велось расследование по причине возникновения пожара. Из-за чего случился? Кто виноват в случившемся?

Конечно, узнали, что директор Серов пригласил отца к себе из Вятлага, поэтому на директора надавили сверху. Парторг завода заявил, что не удивлён случившимся, коли в ЦЭС замом директора работает «враг народа», и собирается сообщить об этом в райком. Дрогнув директор, но предложил уволиться по собственному желанию.

Посёлок лесозаготовителей «101-й километр»

Выезжать за пределы района отец не имел права. Работа нашлась рядом, и отправился уникальный специалист с семьёй на 101-й километр – в семи километрах от посёлка Песковки в посёлок лесозаготовителей. (На должности главного энергетика Альберт Матвеевич проработает еще пять лет, до реабилитации в 1956 году. Павел Ефимович Серов ещё дважды обратится к отцу за помощью, и отец в ней не откажет.)

Переезжали мы на 101-й километр глубокой осенью. Меня привезли первым рейсом с нашей новой собакой по кличке Тарзан и дали задание растопить печь. Только третьим рейсом прибыли козы и четыре курицы. Для коз во дворе была постройка, но кур пришлось разместить в кухонном столе. Петуха с ними не было, поэтому никаких неудобств не создавали, кроме ежедневной уборки. Корм для коз привезли из Песковки. Его мы с отцом ежегодно в виде осинового веников, около тысячи штук, заготавливали в лесу. Тарзан жил с нами зимой всегда дома.

В школе я как-то быстро со всеми познакомился. Близко подружился с Сашей Чайдачевым и всей их семьёй. Отец его работал в школе завхозом, он был ветераном, потерявшим на войне ногу. Брат Саши учился в речном училище, а две

сестры работали на нижнем складе. В школе у меня дела пошли нормально, жаль только, что не было иностранного языка.

Зато дома мама с моей сестрёнкой Лореттой разучивали песни и сказки на английском языке.

Учителя были хорошие: русский язык и литературу вела Лидия Павловна, а математику и физику – директор школы Ангелина Николаевна Захваткина. Эти красивые женщины были одиночками и жили вместе. Историю и физкультуру преподавал очень молодой и красивый мужчина. На уроке физкультуры он «обозвал» меня змеёй за то, что я не смог нормально отжаться от пола. Со следующего дня я стал тренироваться и в 50 лет мог ещё спокойно выиграть пари на кружку пива. (Учитель физкультуры Чежегов Михаил Павлович.)

Что собой представлял посёлок «101-й километр» в 1951 году?

В 1939 году на 101-м километре железнодорожной ветки «Яр-Фосфоритная» был создан лесопункт Песковский, а посёлок получил название «101-й километр». Лес в те годы вплотную подступал к посёлку со всех сторон.

Леса и леса, густые, синие, без конца и края. Веками стояли они угрюмые и безмолвные. Но вот волею Советской власти и большевистской партии в глухие таёжные леса пришли люди, и лес ожил. Появились в нём новые звуки, забила творческая кипучая жизнь. Небольшие домики и бараки появились на месте тайги.

В 1945 году здесь открылся медпункт. Летом 1948 года начальная школа из деревни Степино переведена в посёлок «101-й километр», в 1949 году в посёлке открылась 7-летняя школа. Центром посёлка «101-й километр» была деревня Степино, в которой до 1951 года находился Колпашинский сельский совет. Первым председателем органа местной власти был Ф.Г. Дубовцев, его сменила А.Ф. Лимонова.

Песковский лесопункт в 1951 году стал лесным промышленным хозяйством (леспромхозом). В посёлке было свыше четырёх тысяч жителей. Здесь семилетняя школа, больница, типовой клуб, библиотека, школа ФЗО лесозаготовителей, механизированная хлебопекарня, две столовые, несколько магазинов, детсад, ясли и т.д.

Большие перемены произошли и в производственной жизни лесорубов. На базе узкоколейной железной дороги здесь создано одно из крупнейших в области лесозаготовительных

предприятий – Песковский леспромхоз комбината «Кирлес». Все процессы труда, начиная от валки и кончая погрузкой леса на подвижной состав, производятся механизмами.

В Песковском леспромхозе имелось свыше десятка паровозов, десятки трелёвочных тракторов «ТДТ-40», много погрузочных лебёдок, электро- и парокранов. Протяжённость основной магистрали лесовозной железной дороги выросла до 60 километров. Леспромхоз имел кроме передвижных стационарную электростанцию, хорошо оборудованные механические мастерские, депо, цехи шпалопиления и ширпотреба, а недавно здесь построен и введён в эксплуатацию домостроительный цех.

Вот в этот посёлок лесорубов и получил назначение Альберт Матвеевич Лонн, его назначили главным энергетиком.

В 1947 году в газете «Голос рабочего» была напечатана заметка о работе леспромхоза: «На 101-м километре Яр-Фосфоритной есть небольшой безымянный посёлок. Это посёлок лесорубов. Он возник в первом году послевоенной пятилетки. Посёлок является центром крупного механизированного лесопункта Омутнинского леспромхоза. Отсюда в глубь леса убегают рельсы узкоколейной железной дороги. Дорога идёт в лесосеки, где лесорубы заготавливают деловую древесину, дрова для нужд народного хозяйства страны. На лесопункт 101-го километра летом прошлого года впервые поступили 12 электропил и 3 передвижных электростанции к ним. За истекший осенне-зимний сезон электропилами здесь заготовлено 90 процентов всей древесины».

В Песковском леспромхозе лес в те годы заготавливался в районе 110-го километра. Часть рабочих жила в маленьком посёлке, большую часть рабочих возили со 101-го километра в вагонах по узкоколейной железной дороге. Валка леса уже осуществлялась электропилами. Вальщику помогал помощник с валочной вилкой, и третий таскал за ними кабель. Трелёвку хлыстов осуществляли газогенераторными тракторами КТ-12 Кировского завода. Эти тракторы появились недавно и прослужили совсем недолго, с ними было нелегко в зимнее время. Переход при запуске двигателя с бензина на газ затруднялся из-за замерзания фильтра, и многие трактористы сожгли свои телогрейки, согревая их. Заготовленные хлысты на сечах доставлялись на нижний склад, где и разделялись на сортаменты. Погрузка сортаментов в вагоны и на платформы производилась вручную и специальными цепными транспортёрами.

* * *

Летом 1952 года после окончания школы мне захотелось поработать. В те годы 14-летних на работу не принимали. Отец договорился с начальником нижнего склада, и пошёл я в тарный цех, да и ещё в ночную смену. Там с довольно полненькой женщиной мы выгребали из-под станков опилки и выносили на носилках на улицу. Станков было четыре, и носилки были полкубометра.

На следующую ночь меня бригадир послал на локомобиль. Там сгорел мотор насоса, в здании был глубокий колодец, из которого я всю ночь большим ведром поднимал воду и выливал в бочку, из которой насос подавал её в котёл. Эта работа была тяжелей, чем таскание опилок, – очень прожорливым оказался котёл.

На следующий день мне дали торцовочный станок, на котором я отработал две недели. Свою первую зарплату я выстоял в очень тесной очереди. Помнится, что заработал я около 300 рублей при зарплате отца в районе шестисот.

В седьмом классе неожиданно встал вопрос: почему лучший ученик школы не комсомолец. Я пытался сказать, что мне ещё полгода до 14 лет. Я знал, что в райкоме будут задавать массу вопросов на тему кто есть кто. Комсорг школы, мой одноклассник – некто Барышников сопровождал нас четверых в Омутнинск. Там в какой-то школе мы провели ночь, а наутро прибыли в райком. Среди нас были два ответных двоечника, в последний момент исправившие оценки на тройки. Меня вызвали последним. За столом сидело несколько человек, и среди них Барышников. На политические вопросы я удачно ответил. Барышников что-то нашептал кому-то на ухо, наверное, насчёт сына врага народа (ещё не реабилитированного), и меня попросили выйти. Прошло минут пятнадцать, меня пригласили обратно и осчастливили приёмом в комсомол. Взносы я исправно платил до 25 лет.

* * *

Летом (1951 или 1952 года) после уроков нам сказали, что в леспромхоз приехал Лазарь Моисеевич Каганович, что он в лесу на 110-м км и вот-вот должен прибыть в контору. Мы толпой бросились к диспетчерской нашего УЖД. Там уже и взрослых набралось много. Паровоз с двумя вагонами привёз человек сорок. Сначала вышли че-

ловек десять в серой одежде и внимательно оглядели нашу толпу. Затем вышел человек в белом кителе и фуражке. Издалека он чем-то был похож на Сталина. Рядом с ним был наш директор. Все думали, что они отправятся в столовую, которую уже закрыли с утра. Но толпа двинулась по узкоколейке на нижний склад. Впереди шли директор с Кагановичем, по бокам шагали люди в сером, и их, как мы после узнали, было тридцать. Десять охранников из Москвы и двадцать из Кирова. Каганович, увидев шагающую по обочине толпу школьников, обратился к ним с вопросом: «Как учитесь, ребята?» Громче всех закричал двоечник-второгодник из пятого класса: «На отлично!!!»

На нижнем складе Каганович стоял на площадке транспортёра, показывал пальцем в разные стороны и что-то говорил директору. Было видно, что директору стало совсем плохо. В этот момент из толпы вырвался человек и устремился прямо к транспортёру. Его тут же схватили люди в сером. Кагановичу пришлось вмешаться и разрешить незнакомцу подойти поближе. Человек в железнодорожной фуражке и комбинезоне подошёл строевым шагом, взял под козырек и отрапортовал: «Лазарь Моисеевич, я встречался с вами в Москве. Я был помощником машиниста паровоза. Вы взобрались ко мне в кабину. Сейчас я работаю кочегаром, а хотел бы стать машинистом».

Я не слышал ответ, но видел, как люди в сером отправили кочегара обратно в толпу.

В столовой все ждали высокого гостя, и местные остались без обеда. На следующий день в меню были блюда, которых в обычных столовых не бывает. В итоге директор был снят с работы, а про кочегара в фуражке никто больше не слышал.

В этом же году наши школьные артисты дали концерт в клубе на 110-м км. Пели песни и рассказывали стихи. Я тоже пел песни «Артиллеристы – дал приказ» и «Наши жены – пушки заряжены», которым нас в Песковке научил учитель физкультуры.

В Песковке начался сериал про «Тарзана». Нас оповестил об этом Павел Силкин, и мы старались успевать к началу фильма. Отец ещё в Америке видел вблизи главного героя фильма, многократного чемпиона мира и олимпийских игр по плаванию Джонни Вайсмюллера. Однажды мы опоздали к началу фильма и смотрели его из кинобудки. Одну серию нам посмотреть не удалось. Виновником был лауреат Сталинской премии – вальщик леса Кривцов. Он, как Стаханов в шахте, за смену повалил 300 кубометров леса. Получив премию, он купил бочку пива и угощал прямо в магазине всех желающих. Не думаю, что лауреат премии силком заставлял пить моего отца, но в

кино мы уже опоздали. Через неделю рекорд Кривцова, уже обозначенный в газете, побил Волосков, но получил за это только зарплату.

* * *

Даже не помню первых дней в 8 «а» классе... Вначале мы ходили из 101-го в школу и обратно дружной небольшой толпой. Девочек было три-четыре. Иногда мы возвращались из школы на вечернем поезде. После колокола мы устремлялись к подножкам и собирались в тамбур. Однажды мы с другом Сашей Чайдачевым ехали в тамбуре из 101-го в школу. Не успели отъехать и двух километров, как в тамбур вошла кондуктор. Я успел первым спрыгнуть, а у Саши кондуктор успела схватить шапку.

Мы ходили в школу пешком и в дождь, и в ветер. Портфелей у нас не было, дневник и тетради были за пазухой. Вспоминаю, как в класс утром входил Смехов Станислав. У него была коричневая офицерская сумка, из неё доставались дневник, тетради, чернильница, перочистка. Затем он протирал очки и, облокотившись на парту, ждал начала урока. Он всё время был в числе лучших учеников.

В сильные зимние морозы я неделю прожил у супружеской пары в конце улицы Сюткина с левой стороны. Я запомнил только, что они ко мне очень хорошо относились, старались накормить, и что хозяин отчаянно курил «козью ножку». Почему-то фамилия Силкиных сидит в моих воспоминаниях (сколько же семей было в Песковке с этой фамилией?).

У нашей школы со стороны улицы Ленина была вверх дном большая шляпка. Она никому не мешала, и никто не знал истории ее появления. Однажды после уроков в класс вошёл средних лет мужчина и сказал, что представляет общество ДОСФЛОТ. Он агитировал всех вступить в эту организацию и при этом обещал нас обучить морскому делу, особенно вязать морские узлы. Кто в молодости не мечтал стать капитаном? Он также сказал, что следующим летом мы сможем отправиться путешествовать по Вятке на нашей шляпке. От нас требовалось только заплатить взносы и получить карточку. Он обошёл все старшие классы, собрал деньги, выдал корочки и смылся. Куда же смотрела дорогая моя Прасковья Степановна?

Когда я учился в девятом классе, у меня появился фотоаппарат «Любитель», и тут же появилась работа. В леспромхозе набралось большое количество разного оборудования, подлежащее

списанию. Вместе с обычными актами на списание впервые стали требовать фотографии. Отец сказал, что в леспромхозе фотографа не нашли, и предложил мне этим заняться. Деталей, узлов и всевозможного оборудования нашлось довольно много. Я сделал более 50 снимков, с каждого негатива печатал по 30 снимков. Проявление и закрепление производилось в ведрах. Каждая фотография официально стоила больше 3 рублей. Таким образом, я заработал 5400 рублей. Чтобы бухгалтер мне их дал, потребовалась вторая подпись. Эта сумма равнялась трехмесячному отпуском вальщика Волоскова.

В леспромхозе на складе валялся мотоцикл ИЖ-350, на колесах которого не хватало спиц. Через неделю я впервые сел за руль, так что мой водительский стаж мотоциклиста составляет 70 лет.

Однажды летним вечером к нам пришли гости: мужчина лет тридцати и крашеная блондинка. Блондинка с мамой стали рассматривать альбом с платьями, а мужчина отцу рассказывать свою биографию.

По рассказу – он сын наркома оборонной промышленности, учился с детьми Сталина и Молотова. По вечерам их возили по Москве на кремлёвских машинах с мигалками. После школы ему очень захотелось попасть служить на подводной лодке. После двух лет у него разболелась печень и его демобилизовали. Позднее я по его фамилии пытался проверить правдивость

рассказов о кремлёвском братстве, но неудачно. Жаль мою берданку, которую он попросил поохотиться, с ней они исчезли бесследно.

1948 год. В этом году началась пресловутая «борьба с космополитизмом» – государственная антисемитская кампания. Годом ранее, в феврале 1947 года, было запрещено бракосочетание советских граждан с иностранцами.

Эпилог

В двухтысячные годы Киму Лонну удалось посетить Песковку – посёлок детства и юности. Он приехал в гости к другу Вене (Вениамину) Костылеву, с которым вместе учился и участвовал в спортивных состязаниях. Через сорок пять лет друзья прошли по знакомым улицам, отмечая знакомые здания, сходили в гости к оставшимся одноклассникам. Побывал он и в посёлке Лесные Поляны. С ностальгией отметил, что «иных уж нет, а те далече...»

Сейчас Ким Альбертович Лонн проживает с женой в Санкт-Петербурге.

□

Алла КИСЕЛЁВА (псевдоним – Алла Плотникова)

родилась в Кировской области в деревне Кочкино.

Окончила историко-филологический факультет ТГУ (г. Тюмень).

Сейчас живёт в пгт Песковка Кировской области, работает учителем русского языка и литературы.

Автор четырёх вышедших книг,

две из них в соавторстве со Стасом Серовым.

В 2019 году – диплом Всероссийского конкурса профессионального мастерства педагогических работников им. А.С. Макаренко.

Диплом финалиста Всероссийского ежегодного литературного конкурса «Герои Великой Победы-2021»

за работу «Пять фронтовых писем».

Книга очерков «Песковка. Краеведческая копилка» – финалист премии «На благо мира»-2021.

В журнале «Север» публикуется впервые.

